

ФЕРДИНАНД-МАРГАРИТА-ГЕОРГ ФИНГЕР

МОСКВА — НАЗАД ДОРОГИ НЕТ

Фердинанд Фингер

1976. Москва – назад дороги нет

«Автор»

2012

Фингер Ф.

1976. Москва – назад дороги нет / Ф. Фингер — «Автор», 2012

Дорогие читатели! В этой книге нет ни одного вымышленного сюжета. В ней описывается судьба авторов покинувших Москву в 1976 году. Они бросили всё: друзей, работу, квартиру, расстались с родителями. Времена были тогда такие, что надежды когда-нибудь вернуться назад не было. Уезжали навсегда. Без знания языков, без знания западной жизни. Об их судьбе вы можете узнать, прочитав это произведение.

© Фингер Ф., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Дорога	7
Глава I	8
Глава II	13
О жене	15
О себе и о сыне	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фердинанд-Маргарита-Георг Фингер

1976. Москва – назад дороги нет

Воспоминания

«Пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю».
В. Высоцкий

Посвящается эмигрантам

Фердинанд Фингер

Родился в Москве в 1934 году. Эмигрировал из СССР в 1976 году. Жил и работал в Австрии, Италии, США, Германии и России. В книге, которая стала бестселлером, отражен весь путь эмиграции семьи в прозе. Эта книга – размышления авторов о смысле жизни и чудесах, посланных нам Всевышним за 34 года эмиграции.

Авторы: Фердинанд Фингер, моя жена Маргарита Фингер, мой сын Георг Фингер и наши внуки. Фото 2009 год

Я написал четыре книги стихов, в которых движением души описал необычайно многотрудный и интересный путь эмиграции моей семьи с 1976 года из СССР. После прочтения этих книг мои друзья и знакомые из России, а также бывшие эмигранты, живущие сейчас в Израиле, Америке и Германии, попросили меня описать все это в прозе, посчитав, что перед их глазами проходит интересный фильм, т. к. такой интересной эмиграции, почти ни у кого не было. Попробую удовлетворить их просьбу.

Автор

Закончено 6.11.2011 г.

Дорога

*Дорога жизни, ускользящая вдаль,
На ней не только пыль, заботы и тревоги.
На ней встречаются и Радость, и Печаль.
О, Путник дорогой, крепись на жизненной дороге.*

*Бывает так, что ноги стертые в кровь.
Бывает, с ветерком летишь в пролетке.
Бывает, встретишь Жизнь или Смерть, или Любовь.
Бывает, плакать и смеяться будешь при такой находке.*

*На ней все можешь вдруг в минуты потерять,
А можешь все приобрести по Божьей Воле.
Там по потерянному горько зарыдать
Или найти Бесценную Свободу в человеческой доле.*

*Там можешь ты Отца и Мать похоронить,
Услышать крик ребеночка пронзающий.
Судьба вдруг может кирпичом прибить
Или избаловать Фортуной прилетающей.*

*Дорогу можешь всю пройти и чист, и свеж.
Или прийти к концу и в грязи, и уставший.
Так много оскорблений получивши от невежд,
Что жизнь покажется ненужной и пустячной.
И ненависти, клеветы так много там.
Где Правда и Любовь на той Дороге боли?
Они там есть – там место есть Мечтам,
И будешь счастлив ты по Божьей Воле.*

*С дороги ты поднимешь вновь и вновь,
Перетерпи, о, путник, и печали, и тревоги.
Поднимешь камни легкие – Надежду, Веру и Любовь.
И с Божьей помощью камней тяжелых
Ты не встретишь на своей дороге.*

25.11.2010.

Глава I

Птичий рынок – первый шаг к свободе

Бывают дни, которые меняют жизнь человеческую раз и навсегда, причем – бесповоротно. В одну из суббот июля 1976 года случилось то, чего я больше всего ждал и боялся. Какая-то внутренняя интуиция подсказала мне, что это случится именно сегодня.

В шесть часов утра этого знаменательного для моей семьи дня, что потом и подтвердилось, я стоял на том же месте, на котором по субботам находился в течение двадцати лет с 1948 года. Наверно, если бы была медаль «За постоянство», она наверняка украсила бы мою грудь. Я всех знал, и все знали меня на птичьем рынке за крестьянской заставой. Вставал в четыре утра, готовил все для торговли, и каждую субботу, проехав пол-Москвы, входил на птичий рынок и занимал свое законное место.

Там я устанавливал складной столик на длинных ножках и ставил на него хитро сделанный переносной длинный аквариум с двойным дном.

Мои любимые рыбки петушки тоже помогли нам выжить в послевоенное время. Я их много развел и продал.

Нижнее дно было из жести, и под ним стояли три спиртовые горелки для подогрева воды. Я разводил тропических рыбок и был одним из первых продавцов, которые могли бы гордиться своими «неонами» или «расборами». В эти ранние часы моей подготовки к торговле никто не мешал. Я дорожил временем, так как рыбки были тепловодными, с Амазонки, и для них температура воды должна была быть 25°C. Затем я бежал в кубовую¹ за горячей водой и, стоя

---

¹ Кубовая – маленькое помещение для подогрева воды.

перед дверью, в темное помещение, всегда вспоминал, как давным-давно, будучи мальчишкой, я делал то же самое.

Если это было зимой, из двери в морозный воздух вырывались клубы пара. В полутьме стояла тетя Клава, необъемных размеров женщина, лет сорока, одетая в огромную телогрейку, перепоасанную тонкой веревкой, видимо, чтобы подчеркнуть талию, которой, вероятно, у нее никогда не было. Слева стоял кипящий на керосинке чайник и подпрыгивал на ней, а справа огромный грязный бак, покрытый слоем угольной пыли.

Под баком была печка, в которую тетя Клава бросала уголь разбитой лопатой. Раскрытая пасть печки пылала красно-синим огнем. На этом огромном баке была врезана деревянная полуобожженная ручка-кран. При повороте ручки в бидоны бежал проворный кипяток, бежала жизнь для тепловодных рыбок. Через окна кубовой, как в церкви с витражами, проникали солнечные столбы, сквозь которые плыли миллионы пылинок. Для меня, ребенка, не было ничего интереснее, чем стоять в этой темной кубовой.

– Фердинанд, ты опять раньше всех? Что делать мне с таким пострелом? Давай бидон, налью тебе кипятка.

Благодаря своему маленькому росту, я выглядел лет на девять, хотя мне шел уже четырнадцатый год. Бидон был почти такой же величины, как я. Затем в заскорузлую руку тети Клавы я вкладывал двадцать копеек.

– Ну-ка, садись, попьем чайку!

На столе появлялись две смятые алюминиевые кружки, и мы начинали пировать. Куски наколотого блестящего рафинада появлялись на тарелке. Рафинад² смотрел на меня, а я на него. Это были минуты сладкого счастья. Недавно закончилась война. Отогревшись, я выскакивал на мороз – минус двадцать градусов. Клубы пара провожали меня. Бежал к аквариуму, смешивал кипяток с холодной водой, поджигал горелки и по градуснику устанавливал температуру плюс двадцать пять.

Затем из своей рваной телогрейки доставал из-за пазухи банки с рыбками и аккуратно переносил их в аквариум. Труды были закончены. Так повторялось в течение 28 лет. Ко времени, которое я описываю, тетя Клава умерла, и в кубовой хозяйничал какой-то мужик. Теплым словом меня никто не встречал, а блестящий рафинад растворился в туманах прошлого.

Из десятков голубятен, окружающих рынок, под страшный свист взлетали в небо к поднимающемуся солнцу сотни голубей. «Турманы»³ кувыркались в голубизне. Сердца голубятников замирали в страстном ожидании, что их голуби заманят в голубятни чужих голубей. Радость от этого действия сотню раз переходила от одних воришек чужого – к другим. Этим они и жили. Жизнь, переполненная этой радостью, вступала в свои права. Мычали коровы, по привычке требовавшие утреннюю дойку. Блеяли глупые бараны, не знавшие, что скоро превратятся в шашлыки. Орали петухи, тоже не знавшие, что попадут в суп.

Рынок, расчерченный солнечными полосами, оживал. Приветствуя пробуждение природы со старой колокольни, чудом уцелевшей от советской власти, раздавался колокольный перезвон, радуя сердца и души.

Продавцы блаженно отдыхали. Рыбкам нравилось плавать в чистой воде, пронизанной зелеными водорослями, и они представляли собой изумительный калейдоскоп красок. Им было настолько хорошо, что они затевали любовные игры, расправив все свои плавнички и хвостики. Москвичи, держа за ручки детишек, появлялись где-то к восьми утра. Иногородные тоже, держа за ручки детей, где-то к девяти часам. Под перезвон колоколов, под сияющим солнцем, сотни канареек, сидевших в клетках, приветствовали первых посетителей пенем. И под свист и пень свободных птиц, сидящих на деревьях вокруг «птичьего рынка» – это свя-

---

² Рафинад – сахар большим куском. Колотый.

³ «Турманы» – порода голубей.

тое место оживало. Бывали дни, когда торговля шла из рук вон плохо. Это всегда было перед получкой. В другие дни, когда получка у советского народа была на руках, сачки в руках у продавцов мелькали, как барабанные палочки – только держись.

– Ферд, на сколько продал?

– Ну, думаю, червонца на два, – говорил я.

– А ты, Саша, на сколько? – Саша торговал бойцовыми рыбками – петухами. Они всегда пользовались из-за красоты большим успехом. Толстые щеки и губы Саши выражали полное довольство положением дел.

– Я тебя, Ферд, обогнал на пару бутылок, – обычно говорил он, поглядывая на градусник, не упала ли температура.

Все было в норме, и его петушки горделиво расправляя хвост, поражали покупателей фантастическими красками. Удивительный день! Многие годы, мой сачок так часто не вылавливал рыбок и не переносил их в баночки покупателей.

Хочу немножко отвлечься от темы. Мое имя Фердинанд всегда удивляло всех с кем я сталкивался когда-либо. Такого имени по всей России не слышали. Поэтому на рынке ребята, чтобы меня не обижать, выбрали что-то среднее между Федькой и Фердинандом. Я стал на многие годы Фердом. А что касается моей жены, то с ней тоже произошел курьезный случай, связанный с моим именем. Рита сказала начальнику, что выходит замуж. «А как зовут твоего мужа?», – спросил начальник. «Фердинанд», – сказала она. Повернувшись к ней спиной и уже находясь в дверях, начальник, повернулся и со злостью прошептал: «Федька он у тебя! Запомнила? Федька!!!». Что поделаешь? – коммунист.

Ну, вернемся обратно на рынок. Расправившись со всеми делами, облегченно вздохнув, я переливал в аквариум рыбок из банок, затем доставал сигаретку «Шипку» и оглядывался по сторонам.

– Привет, Ферд! Как ты успеваешь всегда раньше меня? – раздавался голос Саши, который занимал место рядом со мной. Все еще спят, а ты уже здесь с самого-самого утра.

– А ты бы дольше спал сладко, – говорил я, затягиваясь и выпуская колечки дыма, с некоторым злорадным удовольствием наблюдая, как он будет повторять мой пройденный утомительный путь. Я наслаждался восхитительным моментом, когда в летние месяцы встает солнце.

Это не было на «птичьем рынке» обычным явлением природы. Розовая полоска восхода пересекала купол церковки и начинались чудеса. Туман уходил под ручку с темнотой, исчезала сырость. На рынке появлялись «ассы» по разведению редчайших рыбок, что большинству любителей было абсолютно недоступно. Им не надо было волноваться за выручку. Всегда находились люди, кто этих рыбок у них покупал. Аквариумов они не держали. Их драгоценные редкие рыбки были в больших баночках, которые они грели на груди.

Рынок, рынок. Как я живу без тебя уже тридцать четыре года. Без тебя, дорогой, и без рыбок, без шумной толпы, без широко раскрытых детских глаз! Нищие продавали свои труды нищим, которые, получив получку, тратили свою последнюю копейку на любимых животных, так радующих и заполняющих тусклую жизнь. Я до сих пор не могу понять, почему в грубой мужской натуре, в его мужском мире живет такое трогательное отношение к маленьким существам. Женщины, в этом смысле, не способны разделять любовь и страсть мужчин к рыбкам.

Инженеры, профессора, кандидаты наук и просто пьянь, разводившие рыбок, старались немного отдохнуть после утренних приготовлений. От неприятной промозглости и тумана они спасались дефицитным средством – чистым спиртом, который пили, разбавляя водой из аквариумов, отчего уровень воды в аквариумах быстро понижался.

Внезапно в благодатный покой ворвался смех. К одной из первых покупательниц с модной в то время прической «Бабетта идет на войну» подлетели улизнувшие из клетки пара волнистых попугаев-неразлучников. Видимо, посчитав, что это гнездо, залетели в прическу женщины. Повозившись там и что-то там натворив, они разобрались, что это не гнездо. Быстро

выпорхнули и улетели. На голове у женщины творился невообразимый хаос. Она была очень раздражена случившимся и жаловалась на происшедшее.

Вообще этот таинственный день был богат на смешные события. С крыши павильона, мимо которого проходила одна девушка, прямо ей в декольте свалилась маленькая змея. Посчитав, что это гадюка, девушка упала на асфальт, и, почти обезумев, стала сбрасывать с себя одежду. Мы видели, что это безобидный уж, и процесс ее раздевания не приостанавливали. Мужчины есть мужчины. Финалом этой сцены все были довольны и даже позабыли о своих прямых обязанностях перед законными женами – приносить домой выручку. Смех и слезы.

К десяти часам на рынке обычно была пара тысяч человек или больше. Широко раскрытые глаза детей, стоящих перед рыбками, перед клетками с птицами, обезьянами, морскими свинками и прочей живностью, говорили об искреннем интересе ко всему происходящему.

Ну, вернемся к тому удивительному дню. Мои друзья устремили глаза на ворота, положили свои сачки на аквариумы, прекратив торговлю. «Ферд, смотри!», – раздались голоса. «Куда?», – спросил я. «Смотри на вход!». Ворота рынка находились от меня где-то в метрах пятидесяти. В проеме ворот появилась очень интересная женщина, которая бежала, выискивая кого-то глазами. Она, судя по ее скорости передвижения, была явно не в себе. К великому удивлению присутствующих она побежала прямо к нам. Это была моя жена.

С криком «Фердинанд, смотри!» Риточка стала размахивать перед моим носом какой-то бумажкой. Ребята сказали, что она, наверное, выиграла по-крупному в лотерею. Зависть блеснула в их глазах. Жена настолько быстро что-то говорила, что я ничего не мог понять. Бумажка так быстро двигалась вправо и влево, что мне, если бы это долго продолжалось, грозило косоглазие.

Я только успел увидеть на бумажке слова «Разрешение на выезд»! Из ста пятидесяти миллионов моих соотечественников кто-нибудь понимал тогда, что это такое? Это могло быть Свободой, а могло быть длинным путем на лесоповал в лагере... Глаза жены сияли, и ее существо выражало восторг и счастье. Женщины – не очень большие знатоки в политике, но в отличие от нас – знатоки в кухонных делах. Им важно, чтобы в кастрюлях была вкусная еда для семьи, было самое необходимое. Но этого самого необходимого ни в кастрюлях, ни на сковородках в те времена у них не было. Очереди, очереди. Получалось как-то так, что огромнейшая, богатейшая ресурсами страна не могла прокормить своих граждан. 90 % зарплаты уходило на еду. 5% за квартиру, а остальное на мыло для стирки.

Бедная моя жена, искусница по приготовлению еды! Она молча страдала, когда приходилось экономить на продуктах, чтобы дать сыну музыкальное образование и купить одежду, оплатить кредит. Еще нас спасало аргентинское мясо – обычно полкилограмма на полкилограмма костей, лук, дорогущая картошка и вездесущая капуста. Мясо, всегда перемороженное, рубили топором.

Но вернемся к жене.

Я, как и мои друзья, от такого проявления чувств остолбенел. Мы не могли понять, что происходит. Чем больше она потрясала этой бумажкой перед моим лицом, тем больше я впадал в панику. Мои друзья стояли в недоумении. А я понял, что это разрешение выехать из моей страны, из которой, по моему глубочайшему убеждению, не могла бы выскользнуть даже маленькая мышка.

Жена добилась, чтобы я в конце концов сообразил, что происходит. Но удивилась моему странному выражению лица, на котором кроме ужаса ничего не было. Прошло два месяца с тех пор, как мы с женой решили уехать из самой «свободной, богатой и счастливой Родины». Я был на треть немцем, на треть евреем, на треть французом и на остаток – не знаю. Мы написали письмо в КГБ, причем так обнаглели, что потребовали выхода из гражданства. Надежда была ни на чем не основана. С таким же успехом, вместо заграницы мы могли бы попасть туда, где мало солнца, много колючей проволоки и толстых деревьев, для которых очень бы подошла

тупая ржавая пила и наблюдение вертухаев. Но крупно повезло. Не забудьте, дорогие читатели, что это был 1976 год, а эмиграция открылась для минимального количества людей в 1970 году. Другие настали времена. За каждую голову Запад решил платить тонной зерна, которого в СССР не хватало. К тому же мы имели двухкомнатную квартиру – тоже плюс для КГБ. С этим разрешением на выезд и прибежала ко мне моя красавица жена, чистая русачка, которая сказала без всяких размышлений: «Куда – ты, туда и я». Не понимала глупая, что это путь в полную неизвестность. Когда ко мне, наконец-то, вернулся дар речи, я только и мог произнести: «Когда и куда? Как мы будем там жить?» Мир рухнул. Я впервые по-настоящему понял – куда вляпался.

Я задрожал от страха неизвестности. Прощайте, сорок два года жизни, прожитые на Родине. Прощай навсегда, мама, кормилец-рынок, друзья, работа, жилье. Прощай навсегда без надежды на возвращение. И главное немой – нет языка. И еще беда – уже нет времени на изучение языков.

Представления о Западе в те закрытые наглухо времена были у меня с женой относительные. Фильмы мы смотрели – не были полными «лохами» в западной культуре. Но мы абсолютно не понимали сути западной жизни. Ведь в те времена любая связь с иностранцем грозила тюрьмой. Мы просто умирали от ощущения – насколько они на вид свободны. И эта свобода манила и притягивала нас как магнит.

Теперь я знаю, что крот под землей знал больше о западной жизни, чем мы. Но все равно мы захотели уехать. Почему – немного позже. Шок прошел. Риточка продолжала болтать со скоростью молотилки, но я больше ее не слышал. Дошло и до моих друзей, что произошло. «Ферд, ты что уезжаешь, ты что дурак, у тебя же дело пошло, через годик купишь машину, будешь ловить и возить корм для рыбок, разбогатеешь. Ведь ты – восьмой человек в Москве, кто разводит неонов, расбор и других. Ты что ополоумел?» Но я еле-еле слушал что они говорили. Громкие крики «Кому циклоп? Кому червяков? Кому? Кому?», заглушили их доводы.

– Риточка, я собираю мои манатки, – сказал я. Челюсти у моих друзей отвисли, когда я поровну в их аквариумы пересадил триста-четыреста мальков моих милых рыб. То есть отдал три месячных зарплаты инженера на халяву. Сачки выпали из их рук. «Аквариум пилите, как хотите. А выпить у вас на прощание найдется?» «Ферд, обижаешь». Появилась «злодейка», мы выпили, обнялись. Я повернулся, и мы пошли к выходу. Ушел в никуда, не имея силы обернуться, посмотреть на потерянное, на друзей. Но при выходе из ворот я все-таки обернулся на оставленную часть жизни. И не спрося меня, можно это делать или нельзя, слеза неожиданно покатилась у меня по щеке, у меня, у мужчины...

Глава II

Один день жизни Фердинанда Фингера, Маргариты Фингер, Жоры Фингер. Москва, 1976 год. СССР.

Обычно люди, оглядываясь назад на прожитую жизнь, не любят вспоминать о плохом. Все предпочитают думать о прошедшем в розовом свете. Да и просто об этом помечтать. У авторов этой книги воспоминания о 1976 годе, к сожалению, окрашены в другие, не столь радостные тона.

1976 год – обычное время, обычный день. День работы, направленной на выживание. В отделе, где работает моя жена – женщины наводят красоту. Об этом замечательном действе я напишу позже. Перед окнами их отдела стоит обшарпанный дом, на котором надпись: «Продуктовый магазин». Перед входом выстроилась большая очередь плохо одетых людей. Масса бабушек, которые от утренней промозглости, переминаются с ноги на ногу. Зачем, вы думаете, они заняли очередь за два часа до открытия магазина?! Ведь, вроде, Хрущев обещал советскому народу, что в 1980 году каждый человек будет жить при коммунизме. А стоят они за луком, картошкой и морковью. Страна в двенадцать тысяч километров с Запада на Восток и четыре с половиной тысячи километров с Севера на Юг. Богатейшая страна в мире не может прокормить всего-то 150 миллионов человек. Стоят за луком, которого нет уже месяц.

Затем история повторяется с картошкой и морковью. Черт побери, русские победили фашистов тридцать лет назад. Победенные поголовно все имеют собственные автомобили и 80 % трудолюбивых немцев имеют собственные дома. А мы в те годы стояли за луком. Какую нечеловеческую злобу имели тогдашние правители к собственному народу. Самих-то обслуживали специальные хозяйства. Оттуда они получали все продукты высшего качества. О дефиците одежды для простых людей я уже и не говорю. Стойте часами, паршивцы, в очередях – жрите, что добудете. Слава Богу, что вас после войны стало на тридцать миллионов меньше – будет меньше проблем.

В то время, когда советский народ стоял в очередях за этими недостижимыми продуктами, министр внутренних дел Чурбанов с женой Галиной Брежневой скупали бриллианты и предметы роскоши. Об этом по телевидению прошел целый фильм. Также поступали и другие правители. Гараж Брежнева был забит дорогущими автомобилями. Охота – охота(!) шла на подмосковных угодьях. Гремели выстрелы и сотни кабанов и оленей в жареном и тушеном виде украшали столы бессовестных правителей. Ложь окутала систему, и она становилась нежизнеспособной. Борьба с инакомыслящими приобрела крайние формы. Как заявили «верха», в стране построено общество «Развитого социализма». А смысла этих слов советский народ не понимал. Спрашивали: «А что это такое?». Приведу пример, который произошел с моей женой. В один из зимних холодных дней 1975 года она стояла в огромной очереди за продуктами. На ее руке чернилами был написан номер 170.

Она выразила свое мнение, что стоять за этими продуктами – просто унижительно. На это очередь возразила. Особенно кричали старушки. «Да и бог с ним с этим луком, картошкой и очередью. Главное, чтобы не было войны». Вот и все. Судите сами о состоянии одуроченных умов. Конечно, мы с женой все понимали. Жизнь для них заканчивалась. Выпадали волосы и зубы. Они, в отличие от нас, имели позади такие страдания, которые не описать в словах. 1937 год, война, разруха, холод, голод. Убийство Сталиным миллионов невинных людей в сибирских лагерях. И они все выдержали. И мало того – их наградили большой наградой – стоять в очередях в 1975 году за луком и картошкой, через 30 лет после победы. Мы с женой очень переживали происходящее и понимали, что страна загнана в западню.

Глубокая осень, шесть часов утра. По изогнутым рельсам, перед окнами, в полутьме, гремят холодные, разбитые трамваи. На выбоинах асфальта подпрыгивают, утопая в грязи,

тяжелые грузовики. Снаружи пасмурно-тоскливо, неуютно. Оконные рамы не заглушают шума в неприемлемых децибелах.

Перед нашим домом круг, на котором крутятся грязные машины. Посередине круга стоит железная конструкция с огромным портретом Брежнева. Половина бумаги с его лицом отмокла и свалилась в грязь так, что на раме осталась только половина портрета с бесчисленными наградами. Напротив, у магазина с продуктами, в котором почти ничего нет, стоят бабушки – человек сорок и ждут открытия. Дождь, слякоть – противно. Картина из книги Орвела «1984». Моя жена уже на ногах. Аккуратная, причесанная, немножко подкрашенная, готовит завтрак. Милая русская женщина. Ехать до места работы жены, как и до моей – где-то час. Практически у меня и у сына по одной паре обтрепанных курток чешского производства и одной паре обуви, тоже чешской. Свое, русское не наденешь – такое страшное. И это вплоть до нижнего белья. В семь часов утра мы уезжали. Жена возится в ванной с постельным бельем – замочила с вечера. Мне 41 год, жене 38 лет. Как нам хочется уйти от обыденности и хоть один раз в месяц пойти в кафе, посидеть, отвлечься и отдохнуть от опостылевшего быта. Но в 1975 году для нас это было невозможно. Частные уроки сына по музыке – учителя стоили очень дорого. Даже простые джинсы, которые носил весь Запад, были для нас недоступны. Недоступно было высказать вслух недовольство системой – получай психушку. И будь доволен, говори «спасибо», кричи «Ура!».

Зимний день. Автобус у порога школы, где я работаю. Выхожу не один, а с парой учителей. Шепотом делимся друг с другом о том, что советская власть отвратительна и обрекает нас учителей на нищету. Неслышный шепот истерзанных бытом людей. Теперь по прошествии многих лет, я с удивлением увидел, что этот шепот целого народа привел к распаду СССР. Цените – шепот, недовольство – оно как ручеек превратился в реку, в могучий поток, сносящий все и вся. Вот, слабые и беззащитные люди привели к тому, что «колосс на глиняных ногах» рухнул. Ура!!! Мы свободны – мы живем! Ну ладно, я отвлекся от быта моей жены.

О жене

Времени у нее утром всегда не хватает. Надо покормить мужа и сына – отправить их на работу и, в школу, накормить собачку. Самой покушать, привести себя в минимальный порядок. В восемь часов утра она выезжала на работу, чтобы к девяти быть там. Выкраивала время, чтобы по дороге суметь ухитриться что-нибудь купить из еды. А это возможно было вряд ли. Благо, если это происходило летом, весной или ранней осенью. А зимой все население СССР ездило в неотапливаемом транспорте, разбитом и грязном – своего или венгерского производства. Последние – были получше, но почему-то, не отапливались при минус двадцати. Температура внутри равнялась температуре снаружи.

Стекла были покрыты изнутри толстым слоем инея. Чтобы что-то увидеть снаружи, к ним прикладывали теплую монетку или раздуваясь, как лягушка, дули в одну точку – и иней сдавался. Тогда через дырочку можно было смотреть, где ты едешь. Ни смеха, ни шуток. Люди сжимались в комочки, сидя на холодных сиденьях, изо рта шел пар. Почти все, без исключения, читали, газеты, кто книжки, кто простые журналы. В общем, в автобусе везде и всегда, в осеннее или зимнее время царила тоска.

Молодежь до 17–20 лет, наверное, все это переживала по-другому. Молодость – есть молодость. А вот и конец часовой поездки. Начинается работа. Сперва опишем начало работы моей жены. Она инженер-экономист. Работает в организации, которая ведает распределением сельхозтехники по всей стране. Таких организаций по стране очень много. Ее название «Россельхоз», а я называл ее «Россельхознавоз». Эта организация никогда и никому не приносила пользы. Зато в ней что-то делали. Безработицы в стране не было.

Придя на работу, прекрасная половина человечества, работой не занималась. Она занималась другим – наведением красоты. Рабочие места в мгновение превращались в косметический салон. Женщины не успевали утром поухаживать за собой. Вот и наверстывали упущенное на работе. Ведь стиральные машины были редкостью, а о посудомоечных и говорить нечего. Зеркальца, помады, тушь, щипчики, пудра, мелькали перед их лицами. Все, что касалось непосредственно красоты, делалось с птичьей скоростью, чтобы успеть навести «марафет» до прихода шефа.

И это надо было сделать за счет рабочего времени, пока не появится начальница. Она об этом знала, и сама, догоняя то, что не успела, приводила себя в порядок в кабинете. Ведь, как и всем, ей пришлось ехать в этом проклятом автобусе, зажатой, как селедка, среди дурнопахнущей публики. Стоять, не имея возможности повернуться. Потом метро, потом опять автобус. И так всегда. Конечно, ей одной было скучно, но не могла же она заниматься «серьезнейшим делом» вместе с подчиненными.

Были в отделе дни, когда все, кто в нем работал, не могли сдерживать улыбки, а потом разражались смехом. Расскажу об одном таком. Одна из сотрудниц должна была отмечать какой-то юбилей, в связи с чем и была приглашена на него. Она пришла на работу в весьма не новом платье, но чистом и опрятном, довольно симпатичном. Но оно было куплено давным-давно, еще в девичество и стало ей мало. Подойдя к какой-то полке с документами, она потянулась за папкой, и о ужас! Из-под платья показалось то, что носили многие женщины страны. Показались необъятные трусы сиреневого цвета толщиной в сантиметр да еще с резинками. Отдел залился хохотом. Пошли в ход булавки и заколки, чтобы укоротить это произведение «знаменитых русских дизайнеров» на одну треть.

Не так давно, в 2010 году, один русский коллекционер выставил в Париже сотни экспонатов нижнего белья, которое носило подавляющее большинство советских женщин до смерти Сталина 1953 года. Потом стало получше с этим делом, но не очень. Парижане умирали со смеху, не понимая, как эту «сбрую» можно носить. Выставка имела огромный успех. В конце

концов рабочее помещение становилось тем, чем должно быть. Все «немыслимые инструменты» прятались в сумочки. Место на столах гордо занимали устаревшие счетные машинки.

Для чего они это делали – для меня тайна. Для пары пузатых старых начальников или для ожидающей толпы несчастных просителей со всей России, которым надо было достать запасные части для тракторов или машин, нужных в сельском хозяйстве. Тоже подозрительно. Эти части или давно проржавели, или были пропиты. Неделями эти просители жили в командировке в Москве. Были конечно среди них и молодые и симпатичные. Я думаю, вся эта красота наводилась для них. Хотя, может, и для любимых мужей, когда наши кормилицы появятся вечером в доме с двумя тяжелыми сумками в обеих руках, чтобы с завтрашнего дня начинать все сначала. Любимые наши! Какая вам досталась доля. Мы любим вас и жалеем вас!

О себе и о сыне

Теперь о себе и о сыне. Точно такой же путь до работы. Входим в школу. Я прохожу к себе в зал. Я преподаватель физкультуры. Впереди шесть уроков по одному часу. Сына сегодня в школу не выпускают. «Жорик, у тебя отросли волосы, длиннее, чем нужно. Быстро в парикмахерскую!» Он предпочитает прогуливать и вообще в школе в этот день не появляется. Взрослый – уже 12 лет. Вхожу в зал. Маленький спортивный зал – даже крошечный. В нем обычно на уроке 35 человек – мальчиков и девочек от первого до десятого класса.

Спортивные снаряды и маты изношены до последнего. Денег нет на покупку нового инвентаря. Весь зал от пола до потолка покрашен мной – бесплатно. За это не платят. Спортивный пол очень трудно красить. Много разметок.

Я, чтобы заработать больше, взял на себя непосильную нагрузку. Я – старший преподаватель, а это значит, я обеспечиваю весь педагогический процесс в школе по физическому воспитанию. Это значит, что я ответственный за все дополнительные часы, причем бесплатно. Я ответственен за все соревнования по своей школе. Кроме того, я классный руководитель десятого класса «В». Мне дают зарплату в общей очереди. Преподаватели других предметов с завистью наблюдают, что я получаю большую зарплату, чем они, не намного большую, но для зависти хватает. Они не понимают, что каждый день через мои руки проходят шесть классов по 35 человек – 210 человек.

А это означает, что теоретически я могу столкнуться со множеством увечий или легких травм, а может и со смертью. Я вхожу в свой кабинет. На стульях, на моем столе сидят детишки. Возраст зависит от класса. «Фердинанд Георгиевич, что мне делать? Я его люблю, а он меня нет?» – десятый класс. «Фердинанд Георгиевич, чего он меня все время дергает за косичку?» – это пятый класс. И это все время – бесконечно. Они меня любят, и делятся со мной всеми своими проблемами.

В школе не соскучишься. Дети – есть дети в любом возрасте. Много сложностей, много смеха, много детской дружбы и много обезьяньей суеты и всяческих затей. В общем обычная школьная рутина. Но бывает такое...

Однажды у меня не было урока, и я сидел в своем кабинете, и что-то писал в журнале. Раздался тихий стук в дверь и в кабинет вошел десяток необычных молодых людей. Меня поразило насколько они были хорошо развиты физически, модно одеты и чрезвычайно деликатны. «Фердинанд Георгиевич», обратился ко мне один из них. «Мы хотели бы пройти у вас практику по физическому воспитанию детей средней школы, в течение одного месяца. Сами мы студенты института физической культуры и практика входит в нашу программу».

В обратившемся ко мне молодом человеке, я узнал прославленного капитана сборной СССР, Валерия Харламова, а в остальных – игроков этой легендарной команды. Это были чемпионы Мира, Европы и Олимпийских игр. Я спросил, кто их послал ко мне. Оказалось, что это была директор моей школы Валентина Ивановна Павлова. Мне показалось смешным, что звезды такой величины должны проходить практику в школе, как будто они должны были стать учителями. Потом мы поговорили о всяком разном, и я на прощание сказал, что через месяц капитан команды может придти ко мне с зачетками, в которых я распишусь в том, что они прошли практику на отлично. Я был очень доволен, что мог познакомиться с ними, а они, что я их понял. На прощанье я попросил их подарить школе 30 хоккейных клюшек и 20 баскетбольных мячей, в которых школа страшно нуждалась. Они все мне это обещали. На следующий день команда улетела в Америку.

Прошел месяц, и на пороге моего кабинета появился Валерий Харламов. В руке он держал зачетные книжки. «Фердинанд Георгиевич», – я совсем забыл, что привез вам то, что вы просили. Я сбегаю к машине и все это будет у вас в кабинете. Я был счастлив – хоккейные

клюшки и мячи, о которых я и не мечтал. Но он на этом не остановился. «Фердинанд Георгиевич! Я дарю вам мою собственную клюшку, которой забил последнюю шайбу на Всемирной Олимпиаде в Саппоро – Япония. На этой клюшке расписались все игроки команды. Примите на добрую память». Для себя я отметил, что передо мной стоял интеллигентнейший и хороший человек. Я сказал ему спасибо, поставил роспись в зачетках, и мы попрощались. Клюшка была для любителей хоккея абсолютно бесценной. Это была мечта всех фанатов хоккея. К сожалению, это была наша последняя встреча. Вскоре Валерий Харламов погиб в автомобильной катастрофе. Жалко молодую жизнь до слез.

Сколько друзей впоследствии приходило к мне и я видел, что их терзает «белая зависть». Клюшка висела у меня на стене до самого отъезда. Когда мы собирались, то оказалось, что она не влезает ни в один чемодан. Я взял и распилил ее пополам косым срезом, чтобы потом склеить. Так она и пропутешествовала с нами по Италии и Америке, пока не попала в Германию. Там, я ее в жизненной сумятице куда-то положил. Одну часть туда, а другую куда-то, и забыл о ней. На этом приключения знаменитой клюшки не закончились. В 1992 году я возвращался в Германию из Москвы. Поезд весело вез меня в Ганновер. По дороге я познакомился с проводником вагона, оказавшимся отчаянным любителем хоккея. Он помнил имена всех хоккеистов и названия всех команд, когда-либо игравших в мире последние 20 лет.

За рюмочкой я рассказал ему, какой ценностью владею. Прежде, мне редко встречались люди, у которых в глазах возникла такая печаль. Печаль безысходности. И я все понял – эта клюшка должна быть у этого человека, а не у меня. Я, наблюдая за ним, промолчал. При подъезде к Ганноверу, мы обменялись телефонами. Я спросил его, когда он снова будет в нашем городе и получил ответ – тогда-то, в такой-то день и час. Прошло четыре дня – и я встретил его на перроне. Молча протянул ему крюк от клюшки, на котором была только половина подписей команды. Я объяснил, что ручку не могу найти. Он страшно обрадовался этому, но одновременно как-то сник. И я все понял.

Он уехал в Москву, а я перевернул весь дом и нашел ручку с подписями остальных игроков. По телефону мы договорились о новой встрече. В пять часов утра я приехал на вокзал и передал проводнику его сокровище. Со времени встречи с Харламовым прошло 35 лет. Но каждый настоящий любитель хоккея во всем мире может назвать по именам всех игроков легендарной команды, тем более имя Валерия Харламова. Виси, моя клюшка, на стене дома – в Москве, у настоящего фаната, на счастье – клюшка Валерия Харламова.

Забыл сказать, что перед последним прощанием с Харламовым, я, как преподаватель анатомии и физиологии, из любопытства попросил его показать мне свою ногу. Он засучил брючину и я провел по его берцовой кости ладонью. Это не была гладкая кость, она выглядела, как пила. Кость была вся в зазубринах. Вот, так достается спортивная слава – такая вот жизнь хоккеистов.

Проходит день, заполненный трудами. Я беру сына шестиклассника за руку и мы идем домой. Питание в школе отвратительное. Я вечно голодный из-за большой нагрузки. Сын тоже недоедает. Опять автобус, метро, автобус.

На душе грустно. Почти все что я зарабатываю, уходит на еду. Все что зарабатывает моя жена, тоже на еду. Остаток только на оплату квартиры и кредита. Об одежде речь и не идет. А где деньги на мыло? Два человека с высшим образованием не могут заработать на жизнь.

И это абсолютно правдивая картина – для всей страны, за очень редким исключением. Да нет, для многих еще более мрачная картина, особенно в провинции.

Нас с женой спасали еще наши сравнительно молодые годы и Москва. Как жили и что переживали более старые люди, очень трудно представить. Хотя «привычка – вторая натура». Одно могу сказать, что и сейчас многое из того, что я описал, остается. И так живут миллионы людей. Как положительную сторону нашей жизни в те времена могу отметить, что криминала, в сравнении с теперешним временем, в школе было исчезающее количество. Учитель не боялся

учеников. Учитель пользовался уважением. Пьяных и ругающихся матом людей я увидел в транспорте впервые в жизни перед отъездом в 1976 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.